

Целые сутки напролёт. Юэ Вэй с товарищами, сумевшие купить билеты лишь на самый дешёвый поезд, вывалились из вагонов вместе с плотной толпой пассажиров. Лица всех троих покрывал тонкий слой угольной пыли, а покрасневшие, опухшие глаза выдавали полнейшую удручённость — нетрудно догадаться, через какие испытания им пришлось пройти за эти двадцать четыре часа. И дело даже не в том, до какой степени возмутительной была давка в плацкартном вагоне: куда труднее оказалось вынести соседей по поезду. Когда какие-то работяги-отходники уставали стоять на ногах, они усаживались прямо на пол, стягивая обувь, которая томила в душной тесноте несколько дней подряд. От этого невыносимого амбре Чжан Шуай тогда сразу же побежал в туалет и его вырвало. К счастью, у Юэ Вэя имелся некоторый иммунитет, а вот Чжоу И, в юности изрядно поработавший на ночных стройках, невозмутимо расстелил на полу газету, уселся с каменным спокойствием, тоже стянул свои отчаянно вонючие ботинки и завёл непринуждённую беседу с попутчиками. Уважение Юэ Вэя и Чжан Шуая к Чжоу И в тот момент поднялось до небес.

Как ни странно, ни у кого из троицы не проявилось горной болезни, однако въевшаяся в одежду угольная пыль заставляла Юэ Вэя и остальных покашливать даже после выхода из поезда. Проведя ещё полдня в автобусе, они наконец добрались до конечного пункта. Оглядевшись вокруг, Юэ Вэй увидел повсюду специфические архитектурные сооружения, которые обычно можно было встретить лишь в описаниях западного рая из Путешествия на Запад, заметил бродивших то тут, то там лам и увидел толпы верующих, со смирением падающих ниц прямо на землю для усердной молитвы Будде. По правде говоря, Юэ Вэй ощутил себя оторванным от всего остального мира. Места эти действительно славились процветанием буддизма, раз даже в небольшом городке царила столь глубокая вера. Неудивительно, что здесь все слепо подчиняются любому зову — верования порой способны погубить человека... Проходя по улицам, забитым толпами людей, Юэ Вэй и остальные, уже очень давно не выбиравшиеся на прогулки, всю глазели по сторонам. Врожденный талант Чжан Шуая сопровождать женщин по магазинам проявился во всей красе: несколько симпатичных девушек даже прельстились его смазливой личиком и меланхоличным темпераментом, начав увиваться вокруг него и заводить беседы. Стоило признать, что мастерство пикапа у Чжан Шуая поистине первоклассное: бесплатный обед кто-то уже оплатил, ужин тоже был гарантирован, и даже...

Перед с виду весьма фешенебельным отелем Чжан Шуай с загадочным видом о чем-то побеседовал с заграничной красоткой, у которой аж щеки порозовели от разговора, после чего бросил ключи-карту ошеломлённым Юэ Вэю и Чжоу И, скорчив при этом скорбную физиономию:

— Это всё добыто ценой моего тела! Братя, чтобы вы могли нормально пожить и выспаться, я, Чжан Шуай, пошел на крайние жертвы!

Если бы они не были знакомы с этим негодяем столько времени, то наверняка восхитились бы его безупречной актерской игрой, однако у Юэ Вэя и Чжоу И, на чьих лбах уже вздулись вены от ярости, подобных мыслей точно не возникало. Тяжело вздохнув и глядя на озадаченную иностранку, Юэ Вэй мысленно посочувствовал, что еще одна девушка вот-вот станет замужней женщиной... Э-э... впрочем, судя по особенностям западной культуры... быть может, эта блондинка с голубыми глазами вовсе и не была «девушкой». Юэ Вэй мог утешить себя лишь этой мыслью, чтобы заглушить чувство вины, после чего затащил Чжоу И в самый комфортный отель за последнее время.

Ранним утром следующего дня Чжан Шуай, с черными кругами под глазами и видом человека, донельзя истощенного плотскими утехами, но при этом с вороватой ухмылкой на физиономии, опираясь о стены, вернулся в комнату Юэ Вэй. Под удивленными взглядами обоих он рухнул прямо на мягкую двуспальную кровать и принялся бессвязно бормотать:

— Эта девчонка просто дикая...

Переглянувшись с Чжоу И, Юэ Вэй с обреченным вздохом помог Чжан Шуаю улечься поудобнее и накрыл одеялом. Затем они вдвоем покинули отель, продолжая поиски этого злосчастного живого Будды. Чем раньше они отыщут его, тем быстрее поймут, как им следует поступить.

День прошел впустую. Вернувшись в отель с нившей от усталости поясницей, Юэ Вэй и его спутник обнаружили, что Чжан Шуай всё еще дрыхнет — это наглядно показывало, насколько суровыми и тяжелыми были вчерашние испытания его тела!

Разбудив этого негодяя, они немного перекусили. По правде говоря, с их скудными познаниями в прорицании искать здесь человека было всё равно что иголку в стог сена. Хотя Чжан Шуай владел шестью языками (ради соблазнения девушек), в здешних местных наречиях он не смыслил абсолютно ничего. Собеседники-то понимали путунхуа, но вот они сами разобрать чужие ответы не могли. Раздумывая над тем, где бы раздобыть переводчика, Юэ Вэй вместе с Чжан Шуаем вытряхнули из карманов всё, что у них осталось, и при виде стопки мятых купюр у Юэ Вэй возник непреодолимый импульс придушить Чжан Шуая.

Заметив, как Юэ Вэй с товарищем уставились на него так, что у него по всему телу мурашки побежали, Чжан Шуай тоже вспомнил, до чего же дерзко он обошелся с тем банкоматом, и виновато усмехнулся, извлекая на свет божий две мелкие долларовые бумажки:

— Чаевые от той ночной цыпочки. Тьфу ты черт, я ведь их сначала выбросил... а потом подрабобрался и подобрал обратно. До чего же я жалок... Раньше это я давал людям на чай, а теперь люди дают на чай мне...

Начавшего причитать и жаловаться Чжан Шуая просто проигнорировали: Юэ Вэй был полностью поглощен мыслями о переводчике, в то время как Чжоу И с изумлением разглядывал никогда прежде не виданные баксы, которые чем дольше он рассматривал, тем сильнее они напоминали ему деньги для мертвецов.

В этот самый момент снаружи послышался шум. Поначалу Юэ Вэй и остальные не придали этому значения, но по мере того, как звуки приближались, стало очевидно, что шумно прямо у их двери. Распахнув ее, они увидели нескольких гостиничных служащих, пытавшихся преградить путь полураздетому молодому монаху-лама. Заметив, что Юэ Вэй и его спутники открыли дверь, работники отеля принялись с извинениями что-то лепетать. Однако этот самый молодой лама, устроивший переполох, вдруг произнес:

— Они говорят, что просят прощения за беспокойство, хотя, конечно же, побеспокоил вас именно я.

С любопытством разглядывая ламу, Юэ Вэй остановил служащих, уговаривавших монаха уйти. Стоило учесть, что в этих краях лама — профессия весьма почитаемая, и раз уж он докатился до того, что его выгоняют пинками под зад, это красноречиво говорило о его необычности. Подгоняемый острой необходимостью найти переводчика, Юэ Вэй затащил ламу внутрь. Лама с улыбкой окинул взглядом Юэ Вэя и двоих его спутников, отвесил им поклон и произнес поразительные слова:

— Благодарю вас, троих, за то, что измываетесь в хлопотах ради спасения всего человечества.

Под удивленными взглядами присутствующих лама выпрямился и продолжил:

— Я — именно тот, кого вы ищете. Задавайте любые вопросы, которые вас терзают, этот нищий монах ответит на всё, что знает.

Вглядываясь в улыбающееся выражение лица ламы, Юэ Вэй неуверенно спросил:

— Вы и есть живой Будда?

Лама на мгновение замялся и ответил:

— Хотя этот вопрос не имеет прямого отношения к спасению людей, я могу сказать так: я и да, и нет.

Заметив замешательство на лицах троицы, лама пояснил:

— Так называемый живой Будда — это человек, переродившийся путем реинкарнации, сохранивший духовные корни из прошлых жизней и обладающий мудростью, способной объять небеса и землю. Монах же — всего лишь смертный, который знает чуть больше остальных. Будда рождается лишь в смутные времена, чтобы вырвать людей из огня и воды, он не имеет ничего общего с теми образами, которым сейчас поклоняются в храмах.

Сказав это, лама посмотрел на Юэ Вэй и произнес:

— Я родился именно для этого, и моя миссия — указать вам верный путь.

Молча кивнув, Юэ Вэй задал следующий вопрос:

— Знаешь ли ты, что за катастрофа грозит этому миру? Кто тот человек? Почему он хочет всё уничтожить?

Лама опустил на землю, поджав ноги, и Юэ Вэй с товарищами сели напротив него.

— Всё предопределено свыше, — заговорил лама. — Вам сейчас не отыскать этого человека, он не принадлежит нашему миру. Когда развитие какого-либо мира заходит в тупик, появляется нечто, призванное всё разрушить. То самое разрушение ради последующего созидания. Существо, сокрушающее все правила... Быть может, это то, что называют богом.

На лицах Юэ Вэя и остальных отчетливо проступило разочарование, сердце каждого сжала глухая тоска. Лама окинул их мягким взглядом и с улыбкой продолжил:

— Подобно тому как вымерли динозавры, а млекопитающие выжили и развивались по сей день — возможно, если вымрет человечество, на смену ему придет биологический вид, способный развиваться еще лучше. Это существо лишь оценивает право мира на существование; если в этом мире еще таится потенциал для дальнейшего роста, его оставят.

Почувствовав, как ситуация делает неожиданный поворот, Юэ Вэй поспешно спросил:

— Тогда что именно считается ценным для развития?

Лама посмотрел на взволнованного Юэ Вэя и спокойно ответил:

— Победить этого человека. Уничтожить его — вот и всё.

Юэ Вэй облегченно выдохнул: разве они с товарищами не изо всех сил старались именно ради того, чтобы одолеть врага?

Лама горько усмехнулся:

— Победить его — легко ли сказать? Этот человек чужд нашему миру, и правилами этого мира противостоять ему совершенно невозможно.

Юэ Вэй беспомощно произнес:

— Хватит уже испытывать наше терпение. Как в конце концов его победить? Если бы противник был совсем непобедим, ты бы, наверное, не стал нас разыскивать.

Лама потрепал свою лысую макушку и, указав на Юэ Вэя, сказал:

— Я узрел в тебе способность, которая точно так же не принадлежит этому миру. Пока она слаба, но с помощью твоих друзей я увидел надежду. Однако дела, выходящие за рамки установленных правил, мне неподвластны — изменить всё можете только вы собственными руками.

Услышав это, Юэ Вэй изумленно воскликнул:

— Я способен предвидеть лишь краткие мгновения будущего, и то едва ли сравнюсь с тобой. Почему именно я? Я ведь просто хотел предупредить о грядущем всех одаренных людей...

Не дав Юэ Вэю договорить, лама прерывистым взмахом руки оборвал его:

— Пожалуй, истинную причину знаете только вы сами. К тому же вам больше незачем тратить время на поиски. Всё, что вам нужно делать — это непрестанно совершенствовать себя. Ибо даже если вы отыщете сколь угодно много помощников, результат останется прежним. Куда лучше полагаться на собственные силы, и раз уж в вас забрезжил свет надежды, значит, в вас непременно есть нечто уникальное.

Погруженные в глубокие раздумья, Юэ Вэй и его товарищи даже не заметили, как у ламы — несмотря на его лысую голову — с пугающей скоростью стали белеть корни волос, а на лице проступили глубокие, словно вырезанные ножом морщины.

— Запомните: если не будет крайней необходимости, не заходите в египетские пирамиды, но в час смертельной опасности войти туда придется обязательно. Кроме того, перед этим вы должны посетить три места-ориентира. Я записал их в эти три мешочка, откроете их по очереди, когда отправитесь в путь. На все воля высших сил.

Юэ Вэй взял шелковые мешочки и спрятал их в карман. Посмотрев на ламу, который теперь походил на догорающую на ветру свечу, он от ужаса осел на землю. Лама окинул их изумленные взгляды легкой улыбкой и промолвил:

— Больше я ничем не могу вам помочь. Этот нищий монах удаляется. Благодетель, запомни крепко: как бы ни был велик трудности, ни в коем случае не сдавайся.

Под пристальными взглядами троицы лама медленно поднялся на ноги и, дрожа, двинулся к выходу, но, опершись о косяк, рухнул на пол. Юэ Вэй и остальные бросились ему на помощь, но увидели лишь, что губы ламы трогает безмятежная улыбка, а сам он рассыпается в воздухе горстями песчинок.

Сердце Юэ Вэя сжалось от горькой жалости к ламе. Тот всю жизнь пытался предупредить человечество о страшной угрозе, но в ответ встречал лишь насмешки. Столько всего сделал для людей, а они даже не знают его имени. Он пожертвовал ради мира всем, не требуя ничего взамен.

Вспомнив тех лжецов в образе живых Будд, которые бездумно подстрекали людей к сепаратизму, устраивали погромы и грабежи, ни во что не ставят человеческие жизни, Юэ Вэй наконец понял, что такое настоящий Будда.

Сидя в тесном и забитом до отказа поезде, возвращавшемся в город С, Юэ Вэй дал себе твердый обет — не сдаваться ни за что, до самого конца. Переглянувшись с двумя товарищами, чей взгляд горел такой же нестигаемой решимостью, Чжоу И решил по возвращении в город С попрощаться с Сяо Цин, а Юэ Вэй твердо знал: их путь к силе начнется сразу же, как только они ступят на землю родного города.

<http://bllate.org/book/21119/2142820>